

Лунный свет серебрил золоченые изразцы крыши. За окном на ветру покачивались ветви деревьев, отбрасывая на беленные стены причудливые тени под немолчный стрекот цикад. Внутри дома тускло мерцала свеча, то разгораясь, то почти угасая, а в полумраке комнат звучали тихие, вкрадчивые голоса.

— И ты затеял всю эту кутерьму только ради того, чтобы отправиться со мной на Собрание бессмертных?

Цинь Шо сидел у стола, задумчиво потирая запястье. Браслеты, Сковывающие Бессмертных, казались ему смутно знакомыми, но память отказывалась подчиняться — он никак не мог вспомнить, где видел их раньше. Не так давно в Павильоне Сокрытого Оружия старейшина Уцзинь велел ему и Бай Юю надеть Браслеты, Сковывающие Бессмертных, и теперь их невозможно было снять.

Дрожащее пламя свечи выхватывало из темноты его ночные одежды. Поношенные, старомодного покроя, они тем не менее были сшиты из редкого дорогого шелка. Не будь Цинь Шо адептом ордена, его легко можно было бы принять за обедневшего наследника знатного рода.

— К чему такие расспросы, старший брат?

Бай Юй ласково, почти невесомо коснулся его взглядом. Голос его звучал мягко и усыпляюще:

— Я ведь пекусь лишь о твоём благе. Если бы мы этого не сделали, разве старейшины отпустили бы тебя на Собрание?

В этих словах крылась доля истины, и Цинь Шо это понимал. И все же лавина событий нынешнего вечера, полная странных совпадений, заставляла его насторожиться. Тень подозрения невольно падала на Бай Юя.

— Младшие братья уверяли, будто твоя правая рука ранена, — осторожно прощупывая почву, спросил Цинь Шо. — Потому мне и велели занять твое место. Зачем же тебе теперь во что бы то ни стало сопровождать меня?

— Неужели это так трудно понять? — когда они оставались наедине, взгляд Бай Юя становился неприлично прямым, лишаясь всякой робости. — Просто ты, старший брат, единственный человек в подлунном мире, который мне дорог.

Цинь Шо горько, с усмешкой покачал головой:

— Будь это правдой, стал бы я обходиться с тобой столь жестоко в прежние времена?

— На самом деле... когда-то очень давно ты был добр ко мне.

Взор Бай Юя, ловивший каждое движение собеседника, подернулся теплой дымкой воспоминаний.

— Нам обоим было по восемь лет, когда мы встретились в полуразрушенном храме. С тех пор мы не разлучались ни на миг — делили и горе, и радости, точно названные братья. Ты защищал меня от уличных побирушек, отдавал половину украденных маньтоу. Помню, поддразнивал меня за девчоночье лицо и в шутку величал своей «молодушкой»...

Оперев подбородок на ладонь, юноша тихо рассмеялся, упиваясь ушедшими днями, а затем опустил ресницы:

— Ты твердил, что имя Бай Лян звучит грубо и бесхитростно. Сказал, что мне куда больше подходит выражение «дитя, впитавшее изящество природы». Сам выбрал этот иероглиф — «Юй», сотворив имя Бай Юй. Тебе нравилось звать меня Юй-эр... ведь это имя подарил мне ты. В те годы ты часто улыбался мне. Знаешь, старший брат... нет, раньше я звал тебя А-Шо. А-Шо, мне так не хватает твоей улыбки.

Цинь Шо растерялся. Услышав столь доверительное, забытое обращение, он почувствовал, как остатки подозрений тают, уступая место щемящему чувству вины.

Пламя свечи беспокойно дрогнуло. Бай Юй поднял на него глаза:

— Рядом с твоей улыбкой мне становилось тепло. Но стоило нам оказаться в ордене, как все переменялось. Ты больше ни разу не назвал меня Юй-эр. Оставил прозябать среди внешних учеников и вспоминал обо мне лишь тогда, когда тебе что-то требовалось. Словно стыдился нашего прошлого... При посторонних от тебя можно было услышать лишь «грязный пес». Ты твердил, что мы птицы разного полета и никогда не сравняемся.

— Неужели я... действительно мог сказать подобное? — в душе Цинь Шо зашевелилось сомнение, но преданный, полный тихой скорби взгляд младшего брата заставил его поверить.

С тех пор как его разум окутал туман беспамятства, крупницы прошлого приходилось собирать по рассказам Бай Юя и заглядывавших проведать учеников. Где здесь правда, а где искусная ложь — разобрать было невозможно.

Если те беззвучные помыслы, что открылись ему сегодня ночью, были настоящими... значит, и сейчас Бай Юй бессовестно водит его за нос?

Зловещее словосочетание «обмен судьбами» ледяной иглой сидело в его сознании. Цинь Шо интуитивно чувствовал: за кулисами происходящего кроется нечто куда более мрачное, чем ему пытаются представить. И завтрашнее Собрание бессмертных наверняка станет отправной точкой в этой опасной игре.

— Впрочем, былого не воротишь, — Бай Юй легонько звякнул Браслетами, Сковывающими Бессмертных, на запястье и бледно улыбнулся. Голос его опустился до едва различимого шепота: — Важно лишь то, что мы снова вместе. Теперь тебе от меня не скрыться, А-Шо.

В этот миг за окном бесшумно промелькнула огненная тень. Цинь Шо вздрогнул — сверху, со стороны крыши, донесся едва уловимый шорох крадущихся шагов. Он порывался подняться, чтобы проверить, кто там, но пальцы Бай Юя крепко сомкнулись на его предплечье.

— Старший брат, уже за полночь. Пора ложиться.

Младший брат еще никогда не позволял себе говорить столь властно. Уступив напору, Цинь Шо кивнул, но, приближаясь к постели, то и дело бросал тревожные взгляды на темные окна.

Стоило Бай Юю задуть свечу, как комнату затопила глухая тьма. Лишь в глубине его зрачков мерцали хищные, фосфоресцирующие искорки. Он молча наблюдал за тем, как Цинь Шо расстилает постель прямо на холодном полу.

— Снова ты за свое... — прошелестел его вздох, растворяясь в ночной тиши. — Никогда не слушаешь, что тебе говорят.

Наклонившись над тюфяком, Цинь Шо уловил краем уха невнятный шепот. Он обернулся, но разглядел лишь силуэт младшего брата, закрывавшего оконные створки. Недоумение кольнуло душу, но расспрашивать он не стал — лишь молча продолжил возиться с постелью.

Щелкнул засов. В кромешной тьме тихо зашуршал падающий на пол шелок одежд, и до слуха донеслось прерывистое, горячее дыхание. Цинь Шо едва успел расправить одеяло и обернуться, собираясь объявить, что устроится на полу, как со спины его обхватили чужие руки. Тело Бай Юя прижалось вплотную.

— Старший брат... мне так холодно. Согрей постель вместе со мной, а потом уйдешь.

В этой просьбе не было ничего предосудительного, но Цинь Шо почувствовал, как по коже пробежал неприятный холодок. Прежде чем он успел возразить, у самого его уха раздался жалобный, почти детский лепет:

— В старом храме мы спали только так. И тогда ты никогда не отталкивал меня...

Рассудив, что с завтрашнего дня им все равно придется делить и кров, и пищу, Цинь Шо подавил неловкость и нехотя кивнул.

Он уложил младшего у самой стены, а сам примостился с краю постели, оставив между ними чинную полосу пустого пространства. План был прост: дожждаться, пока юноша крепко уснет, и тихо перебраться на свой половик.

Цинь Шо плотно укутался в одеяло, словно в кокон — только в этой тесной броне к нему возвращалось хрупкое чувство защищенности. С тех пор как его разум опустел, он не переносил открытого пространства за спиной: казалось, там колышется ледяная бездна, выстушающая душу.

Хотя никакой холод не мог сравниться с той леденящей стужей, что сковала его сердце, когда он своими ушами услышал безжалостные слова Сун Ваньчэня.

Прокручивать их в мыслях не хотелось. Реальность была сурова: за ним больше никто не стоял. Он остался один-одинешенек во всем мире.

Будь жив его шицзунь... Если бы учитель действительно оберегал его так, как твердили другие...

Мысли путались. И вдруг в сонной тишине комнаты раздался едва уловимый, хрустальный перезвон. Усталость навалилась мгновенно, веки отяжелели, точно налитые свинцом. Голова соскользнула на подушку, и Цинь Шо провалился в беспамятство.

— Старший брат? Старший брат...

Лежащий рядом Бай Юй осторожно потормошил его за плечо. Убедившись, что старший крепко спит, он бесшумно придвинулся ближе. Он обвил чужую талию тонкими руками, утыкаясь лицом в лопатки, впитывая такое близкое, долгожданное тепло.

— Ты и представить не можешь... — едва слышно зашептал он в темноту, — как часто мы засыпали именно так. В ту пору ты был так ласков со мной, что я всерьез поверил, будто этот сон продлится вечно.

Оконная рама внезапно содрогнулась от глухого удара — неведомая сила рвалась внутрь, но защитное заклинание надежно сдерживало натиск. На деревянной галерее снаружи послышались торопливые, встревоженные шаги. Некто метался под окнами в бессильной ярости, однако барьер не пропускал ни звука.

— Если бы ты не бросил меня тогда, все могло сложиться иначе, — продолжал изливать душу Бай Юй, крепче сжимая объятия. — Сердце мое не знало бы этой жгучей ненависти, и я бы вырос чистым, похожим на тебя. Я ведь так дорожил тобой, А-Шо... Каждое твое слово высечено в моей памяти.

В комнате царила мертвая тишина, сквозь которую отчетливо проступал ровный, размеренный стук сердца Цинь Шо.

— Ты ведь божился, что заберешь меня с собой, куда бы ни лежал твой путь, — шептал юноша, и дыхание его обжигало шею спящего. — Обещал, что я стану диким вьюном на твоём теле,

кандалами на твоих ногах. Что обовью тебя кольцами, и мы разделим этот мир на двоих — на год, на сотню лет, на целую вечность. Твои слова, А-Шо. И я ничего не забыл.

— Почему же ты все предал?

Звякнул на запястье серебряный бубенец, и тихий вздох растаял в темноте, оставив после себя лишь едва различимый шелест:

— Доброй ночи, старший брат...

— Завтра мы предстанем перед Собранием бессмертных.

<http://bllate.org/book/20094/1998484>